

ПОЛ И КРИС
СТЮАРТ И РИДДЕЛЛ

Гарнаби Праймс

ПРОКЛЯТИЕ
НОЧНОГО ВОЛКА

Волшебный мир Криса Ридделла

Крис Ридделл

**Барнаби Граймс.
Проклятие ночного волка**

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.111-34-053.2
ББК 84(4Вел)-44

Ридделл К.

Барнаби Граймс. Проклятие ночного волка / К. Ридделл —
«Издательство АСТ», 2007 — (Волшебный мир Криса Ридделла)

ISBN 978-5-17-113468-6

Барнаби Граймс – шустрый, любознательный паренёк – служит тик-такером. Это отчасти курьер, отчасти посыльный: только тик-такер должен быть гораздо быстрее первого и выносливее второго. Работа не для слабаков и недотёп! Город Барнаби знает как свои пять пальцев – каждую улицу, каждый закуток. Город этот – целый мир, полный тайн. Выполняя поручения, Барнаби то и дело попадает в переделки. Такие кошмары с ним приключались, что и злейшему врагу не пожелаешь. Об одном из этих кошмаров и пойдёт речь в нашем рассказе...

УДК 821.111-34-053.2
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-113468-6

© Ридделл К., 2007
© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Пол Стюарт, Крис Ридделл

Барнаби Граймс. Проклятие ночного волка

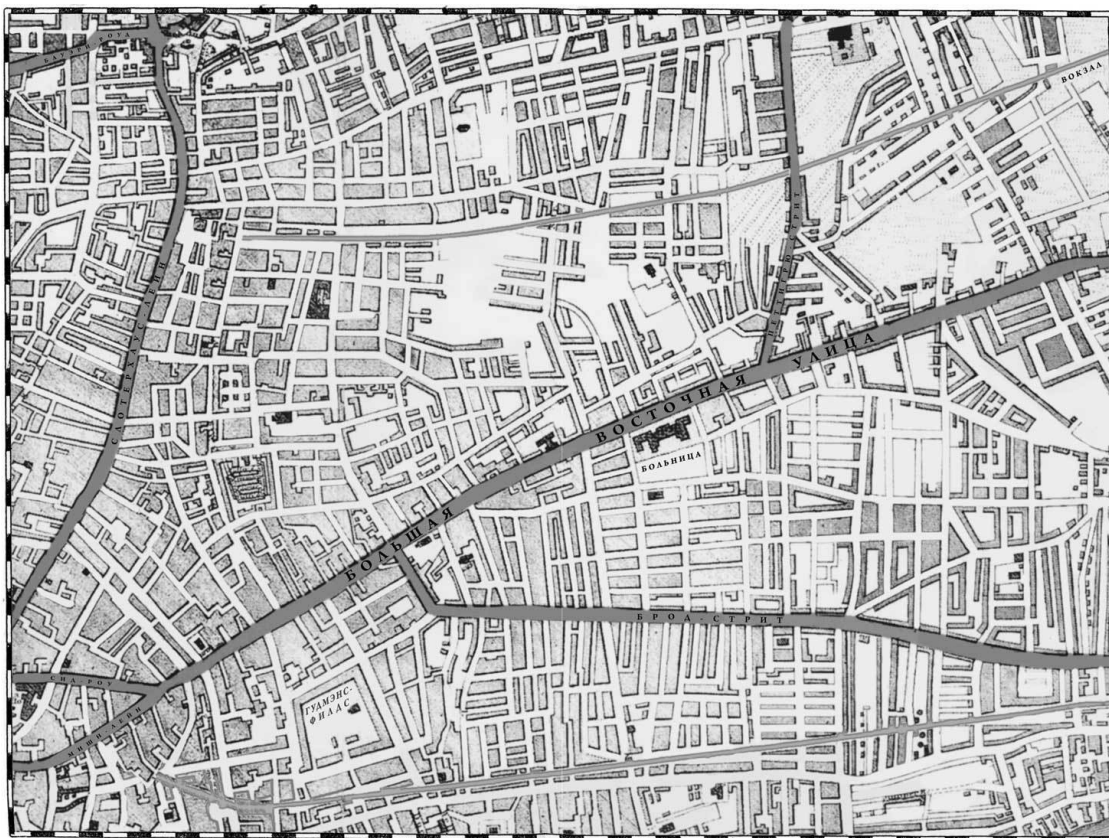
Paul Stewart
Chris Riddell
Curse of the Night Wolf

© Paul Stewart and Chris Riddell, 2007
© К. Османова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Моему племяннику Стивену
П. С.

Джеку
К. Р.

Глава 1

Знаете ли вы, каково это? Хоть раз такое испытывали? Как будто с вас медленно сдирают кожу? Когда мышцы – ноют и набухают, а кости изнутри словно прорывают плоть? Вы хоть раз чувствовали, как натягиваются до предела сухожилия? Хоть раз боялись, что ваш скелет сейчас раскрошится – прямо внутри тела?

Я всё это испытал и до конца своих дней не забуду того, что со мной произошло.

Помню лунный свет. Он ударил мне в глаза. Огромный серебряный диск полной луны надо мной. Этот ядовитый свет просачивается сквозь кожу, бежит по венам, пробуждая нечто, спрятанное глубоко внутри.

А потом – боль. Страшные конвульсии терзали моё тело, кожа горела. Я опустил глаза и в ужасе увидел, что пальцы на руках и на ногах вытягиваются, конечности превращаются в мощные когтистые лапы. На шее вздулись вены, живот свело судорогой, мышцы напряглись и задрожали – казалось, под кожей у меня копошатся полчища проворных крыс.

Я почувствовал жжение в горле, весь язык раздуло, да так, что стало трудно дышать. Я закашлялся, язык вывалился и повис меж разомкнутых губ в уголке рта. На пол капала слюна, блестя в лунном свете.

Сколько боли я перенёс. Сколько лютой боли. Череп словно зажали в столярные тиски и сжимали, всё сильнее и сильнее.

А потом я услышал странный звук...

То ли хруст, то ли треск – я ощутил, что челюсть моя вытягивается вперёд, как, впрочем, и нос – теперь я мог их видеть сквозь сужившиеся глаза.

Я резко встряхнул головой и попытался закричать, однако, звук, который мне удалось выдать, был больше похож на тьяканье. Да, сначала я тьякал. Потом завыл. Как зверь.

Я хотел убежать, но не тут-то было: навалилась неопишуемая тяжесть, я с места сдвинуться не мог. Меня словно заперли внутри собственного тела, претерпевающего метаморфозы: я бушевал и неистовствовал, но на деле не мог пошевелить и пальцем. Моё тело больше мне не подчинялось.

Слух внезапно обрёл доселе неведомую чуткость. Обострилось зрение: всё вокруг стало чётким и выразительным, хотя и любопытно вытянутым, как будто я смотрел сквозь слегка искривлённую линзу. Ноздри вздрагивали: несметные запахи ударили мне в нос.

Резкий – олифа, лакированное дерево. Сладкий – женские духи. Кислый – так на самом деле пахла та женщина, духами она пыталась скрыть собственный запах. Полировка. Пролитое молоко. Смятая трава. Голубиные перья. Сажа. Пыль. Щебёнка. Рвота. Собачья...

А потом – начался зуд. По всему телу. Невыносимый. Я скоблил себя, что есть мочи, расчёсывал, где выходило достать, когтями до крови. И тут меня взяла оторопь. Собственными глазами я увидел, как сквозь мою мягкую, почти безволосую кожу прорастает тёмная густая шерсть.

В ужасе я устался на это, а потом снова взвыл. Разорванная одежда свисала с меня лохмотьями, некоторые лоскуты валялись рядом на полу.

Тесная и мрачная комната. Стены, пол, потолок – всё обито плотным грязновато-серым стёганным войлоком, очевидно, чтобы заглушить звуки. Кое-где на обивке виднелись засохшие пятна крови.

Над головой моей виднелся просвет – слуховое окно с толстым двойным стеклом, прорубленное в низком скошенном потолке. Окно напоминало глаз чудовища. И я, замороженный, не в силах пошевелиться, глядел в этот магический глаз, из которого лились лунные лучи.

А потом за спиной кто-то противно усмехнулся. Превозмогая боль, медленно я повернул голову...

Какой-то человек. Смотрит на меня в упор.

Одет в халат. На голове – странный мешок, под которым не видно лица. Лунный свет отражался от стеклянной поверхности тёмных вставок, скрывающих глаза. В руке, обтянутой перчаткой, человек держал огромный шприц из стекла и серебра.

Я таращился на неизвестного в оцепенении.

В следующую секунду жуткий призрак направился ко мне. Он ступал неспешно, аккуратно, держа шприц перед собой. Я затрясся от страха и заскулил.

Тук-тук-тук.

Призрак подходил всё ближе, поднимая шприц. На кончике длинной иглы выступили капли серебристо-белой жидкости.

Лунный свет отражался от стеклянной поверхности тёмных вставок, скрывающих глаза

Я наострил уши и грозно заворчал. А что ещё мне оставалось делать – убежать-то я не мог. Я словно прирос к полу. Тело прошила новая судорога.

Тук-тук-тук.

Откуда же этот звук? Что-то колотится по обитому тканью полу, вторя ритму сумасшедше бьющегося сердца. Я тщетно старался вновь обрести контроль над своим истязаемым болью телом. Призрак поднял в воздух шприц, увенчанный острой иглой.

Тук-тук-тук.

Ну вот, опять. Я вздрогнул. И вдруг понял, где колотится – у меня за спиной...

Я обернулся.

Это стучал мой хвост.

Глава 2

Покуда жив, я буду помнить события той ужасной ночи. Даже сейчас, когда я рассказываю о них, на лбу у меня выступает холодный пот, а руки дрожат. И всё же рассказать я должен – ведь, может статься, именно моё повествование прольёт свет на червоточины этого беспокойного великого города.

Да, город этот – целый мир, полный тайн: уж мне-то, как настоящему тик-такеру, пришлось изучить его отменно. В такие страшные переделки я попадал, такие кошмары со мной приключались, что и злейшему врагу не пожелаешь. Об одном из этих кошмаров и пойдёт речь в моём рассказе...

Как вы уже поняли, я – тик-такер. Профессия такая, отчасти – курьер, отчасти – посыльный: только тик-такер должен быть шустрее первого и гораздо выносливее второго. Работа не для слабаков и недотёп, уж будьте уверены.

Город я знаю, как свои пять пальцев: каждую дорожку, каждый закуток, каждую улочку. Не знать – права не имею: дело профессиональной чести. Что ни говори, это уже у меня в крови. Как будто карта в меня вшита. Назовите два любых места, и я, ни секунды не раздумывая, скажу, как быстрее всего добраться из одного в другое. Время – деньги. Тик-так, тик-так – отсчитывают часы.

Вот потому нас и называют – тик-такерами.

Мы не просиживаем штаны за письменными столами в конторах, похожих на тюрьмы. Мы – другие, мы всегда – на свободе, на бегу, на лету. Присутствуем при составлении завещаний, вручаем повестки, записываем показания, собираем заявления, раздаём выписки, носимся с разными бумагами – вот будни тик-такеров. Но, смею вас заверить, на мою долю выпадали и самые что ни на есть необыкновенные поручения.

Один раз, например, я должен был доставить партию голубых в крапинку, ещё тёплых яиц мускусных уток в Орнитологическое Сообщество Топей и Болот – минута в минуту к началу Ежегодного Торжественного Обеда в честь Вылупления. Был ещё случай с тайным маскарадом, который устраивала леди Фицровия, – тогда мне пришлось под покровом ночи разносить две сотни приглашений с золотыми краями, стараясь ускользнуть от вездесущих щелкопёров из светских новостей. А однажды ко мне обратились с просьбой отнести по подписке знаменитую брошюру полковника Уайбриджа-Тонкса под названием «Систематические повреждения невычищенного водостока», и уже в пути я обнаружил, что по канализационным трубам за мной неотступно следует стайка плотоядных саламандр...

Но эта повергающая в трепет всякого слушателя история заслуживает отдельной книги.

А нынешний мой страшный рассказ я начну с того, что вспомню о невинной, на первый взгляд, моде на меховые воротники и манжеты – такой тип оторочки называли «вестфальская отделка». Не так давно она была невероятно популярна – но мода вообще штука переменчивая. На этой неделе, например, на Гэллоп-роу пруд пруди франтоватых молодчиков в цилиндрах с двойным ободом, а уже на следующей те же молодчики вот так запросто фланируют в соломенных шляпах с кистями. А эти распрекрасные юные особы, которые прогуливаются по Хай-маркет и Ридженси-молл, – такие непостоянные! Сегодня все, как одна, щеголяют в кружевных митенках и ботиночках из тюленьей кожи, а завтра – вдруг в юбках на восточный манер и с карманными, не крупнее кротов, собачками.

Что до меня, мой неизменный костюм – охотничий жилет с двенадцатью карманами, угольно-чёрный цилиндр и старая-добрая трость из чёрного дерева с вкладной шпагой. Я за модой никогда не гнался. Уж увольте, вся эта мода пусть остаётся франтоватым молодчикам да юным прелестницам. А они тогда, что и говорить, словно помешались на вестфальской отделке.

Густой, мягкий, богатый мех. Но что действительно отличало этот мех от до смерти надоевшего кролика или, положим, белки – а то и кошки бродячей – так это блеск. Право слово, не увидев собственными глазами, как блестел мех вестфальской отделки, невозможно представить себе, о чём я говорю. Блеск столь восхитительный, что, казалось, из самого меха исходит свечение.

Говорили, что для вестфальской отделки требуется шкура редкого вида волка – ночного. Это огромное животное рыщет в лесах, обступающих далёкий город Танненбург, что на востоке, в горах. Шкура зверя ценилась так высоко, что ладно скроенное пальто с оторочкой из вожделенного меха стоило в тысячу раз дороже, чем такое же – но без вестфальской отделки.

А они тогда, что и говорить, словно помешались на вестфальской отделке

В те дни франты и модницы на Гэллоп-роу и Ридженси-молл состязались: у кого воротник выше, а манжеты – пышнее. Однако, как я уже заметил, мода есть мода, и я бы не уделил

этому столько внимания, если бы не жуткий случай, который произошёл со мной одним промозглым весенним днём, когда я направлялся в юридическую контору Брэдстока и Клинка.

С молодым Брэдли Брэдстоком и старым Алоизиусом Клинком я работал давно. С утра я забрал у них партию повесток и уже успел разнести их по адресам, а теперь возвращался в контору обычным маршрутом. Обычный день, обычная работа – подумал я на ходу.

Но никогда ещё я так не ошибался.

Ничто не могло подготовить меня к тому, что предстало перед моими глазами на старых крышах, когда я шёл своим привычным – кратчайшим – путём. Это было леденящее кровь зрелище.

Глава 3

Но чтобы в полной мере передать ужас невероятной истории, начало которой было положено той ночью, я должен рассказать вам о моём друге, старике Бенджамине.

Старик Бенджамин занимал пару обшарпанных комнатушек в высоком скошенном доме, что на углу Уотэр-лейн и переулка Чёрной Собаки. Жил он там с незапамятных времён. Долгие годы ездил извозчиком на четвёрке. Голову его увенчивала огромная копна непослушных волос, лицо было всё в морщинах. Он всегда казался мне старым – много позже я вдруг подумал, что дети считают всех взрослых глубокими стариками. Наверное, так оно и есть.

Когда я только начинал работать и был подручным на побегушках, то часто встречал старика Бенджамина. Если у него случался выходной, он вытаскивал из своего жилища древнее, выдавшее виды извозничье кресло и ставил его на мостовую, прямо перед домом. И тогда в любой час дня и ночи можно было приметить, как, устроившись на своём покорёженном троне, старик Бенджамин наблюдает за жизнью, что течёт перед его глазами.

Когда он был в добром расположении духа, то приветствовал прохожих, и для каждого, кто останавливался перекинуться с ним словечком, у него находилась байка или шутка. В иные дни он был сварлив, как пёс, и тогда изрыгал страшные проклятия вслед извозчикам, чьи лошади оставляли прямо на брусчатке дымящиеся кучи, на чём свет стоит ругал уличных сорванцов, обстреливающих окна гнилыми апельсинами, и грозил кулаком уважаемым джентльменам за то, что они не снимали шляп, когда проходили мимо почтенного старика Бенджамина.

Должен сказать, со мной он всегда был приветлив. Чаще всего ему удавалось изловить меня, когда я торопился по важному заданию. Тогда старик Бенджамин брал с меня обещание непременно выполнить его личное поручение – передать пару слов приятелю-извозчику на другом конце города или купить что-нибудь в лавке.

За работу он вознаграждал меня монеткой – конечно, не бог весть какие деньги, но на круглый леденец или кусочек шербета хватало...

И всякий раз, когда он с высоты своей четвёрки замечал, как я спешу по улице, он останавливался и подвозил меня. И никогда не брал с меня денег.

Я полюбил его колымагу. Она была меньше, чем те повозки, что мы привыкли видеть на улицах сегодня. На ней не было специальной лесенки, чтобы взбираться на верхнюю площадку, – только ступеньки сзади. Наверху, ровно на середине крыши, крепились две узкие скамейки – спинка к спинке. «Подставка для ножей» – называл эту конструкцию старик Бенджамин. Держаться было не за что, никакой защиты от непогоды не было. Пассажиры наверху отчаянно цеплялись друг за дружку всякий раз на поворотах, то и дело вскрикивая, то ли от испуга, то ли от восторга.

Что и говорить, старик Бенджамин был мне хорошим другом. Потом ему пришлось оставить работу. Причиной тому стал «кучерской недуг» – так называли болезнь лёгких, которая часто настигала тех, кто занимался извозом: сухой отрывистый кашель из-за постоянно вдыхаемой городской пыли и копоти. Отработав своё, старик Бенджамин почти всё время проводил теперь в извозничьем кресле перед домом.

В этом-то кресле я и увидел его однажды ясным весенним днём, когда спешил мимо по поручению. Старик выглядел утомлённым и больным. Под слезящимися голубыми глазами залегли тёмные круги, непослушные волосы мышиного цвета, уже изрядно поседевшие, но всё ещё необычайно густые, торчали во все стороны.

– Барнаби! – воскликнул он, едва завидев меня, и расплылся в улыбке. Во рту у старика не доставало зубов, а те, что ещё держались, были похожи на гнилушки. – Наследный принц Барнаби Граймс! Собственной персоной! Каким ветром за... *кхеее... кхеее...*

Неожиданно поток острот иссяк. Старик Бенджамин зашёлся в приступе кашля. Он потянулся ко мне, из глаз его брызнули слёзы, лицо страшно побагровело. Он тщетно пытался что-то сказать. Скверный лающий кашель всё набирал силу. В горле у старика булькало, а в груди – даже как будто дребезжало.

– Кхеее... кхеее... кхеее... кхеее...

С выпученными глазами он ловил ртом воздух, и, сказать по правде, было похоже, что он отдаст богу душу, не сходя с этого самого места.

– Кхеее... кхеее... кхеее...

Не в силах произнести ни слова, он замахал руками куда-то назад. Я догадался, чего он хочет. Я шагнул вперёд и здорово врезал старику по спине.

К ужасу моему, после такого «лечения» Бенджамин принялся кашлять ещё свирепее. А потом он захрипел – и резко затих. Голова его упала на грудь.

– Бенджамин... с тобой всё в порядке? – с тревогой спросил я.

Старик Бенджамин поднял голову. В лице его не было ни кровинки.

– Кучерской недуг... всё хуже и хуже... – он скорбно покачал головой, с трудом выдавливая из себя слова.

– Тебе бы доктору показаться, – предложил я.

– Доктору! Ни слова при мне о докторах! – Старый Бенджамин не на шутку взволновался. – Всего-то пару минут смотрят на тебя, словами какими-то мудрёными бросаются, а потом говорят: «Полный покой, голубчик, а лучше отправляйтесь-ка в горы или на побережье!» И за это ещё обдерут тебя, как липку. Тыфу ты! – Он сердито замотал головой. – Нет уж, всё, что мне нужно, дружище Барнаби, это – всеисцеляющее средство, одно лекарство от всех болезней – что-нибудь бодрящее, да желательно покрепче. Ты же понимаешь, о чём я...

Я прекрасно понимал, о чём он. Сейчас всё, что угодно, можно купить у шарлатанов без рецепта – хоть дюжину флакончиков готовых лекарств. Загвоздка лишь в том, что добрая половина этих снадобий принесёт больше вреда, чем пользы. Поэтому одно и то же средство долго на прилавках не задерживается.

К примеру, жаропонижающий порошок доктора Джолиона запретили продавать, когда выяснилось, что температура после него исключительно повышается. А железные пилюли, изобретение Моррисона, больше не выпускают потому, что те, кто их принимал, через некоторое время становились коричневыми, как ржавчина. Поговаривали, что причиной череды жутких смертей в восточной части города стали сердечные капли Годфри.

Не так давно шуму наделало снадобье старой матушки Беркли. Его создательница уверяла, что это чудесное средство можно принимать «при любых обстоятельствах», что оно «не требует ни особой диеты, ни постельного режима» и что его «своевременное употребление» непременно «устранит все жалобы» и «излечит все недуги». Самое хорошее, что я могу вам поведать про это, с позволения сказать, лекарство – его побочные эффекты не были необратимыми. Например, вы выпивали матушкино снадобье – и у вас выпадали все волосы. Однако печалиться не было нужды – они, как правило, снова вырастали!

Как бы там ни было, я пообещал старику Бенджамину, что постараюсь раздобыть для него что-нибудь целебное, и отправился дальше. Но даже когда я уже поворачивал на Мишн-лейн, до меня всё ещё доносился беспощадный отрывистый кашель старого извозчика. Ему поможет только чудо, – помню, подумал я про себя.

К стыду своему, я вынужден признаться, что спустя мгновение старик Бенджамин со своим кашлем начисто вылетел у меня из головы. В то время на меня навалилось столько забот, что я чуть не помешался. Несколько новых клиентов с ворохом проблем: начиная от недоразумения, связанного с шумным попугаем уличного торговца, заканчивая спором тик-такеров о продаже билетов на пасхальные скачки, угрожающим скверно обернуться. Да потом ещё это дьявольское дело с театром марионеток, в которое я оказался втянут...

И вот, три или четыре недели спустя, в тот самый – воистину роковой – день, когда я закончил разносить повестки и возвращался в контору Брэдстока и Клинка за вознаграждением, я снова столкнулся со стариком Бенджамином. Взгляды наши встретились, и меня захлестнуло чувство стыда. Уже сгущались сумерки, но старик Бенджамин всё сидел в своём старом извозчищем кресле.

– Вы только поглядите! – воскликнул он. – Кто же это к нам пожаловал, неужели наследный принц!

И он протянул мне ладонь в знак приветствия.

– Бенджамин! – Мы тепло пожали друг другу руки. – Я вовсе не забыл про твоё лекарство, – соврал я. – Понимаешь, я был так занят, – пустился я в оправдания, – что не успел раздобыть тебе ни микстуры, ни таблеток...

– Да и незачем! – весело отозвался старик Бенджамин. – Я кое-чем и сам разжился. Недавно зацепился языком с прохожим. Тот остановился и давай восторгаться – мол, ну и шевелюра у вас, какое богатство. Я поблагодарил его, конечно, за добрые слова и объяснил, что волосы у меня такими выросли оттого, что я бросил пить снадобье старой матушки Беркли. Прохожий тот улыбнулся, а потом меня скрутил кашель, и тогда он дал мне вот это...

Старик Бенджамин полез в карман и достал оттуда стеклянную бутылочку с синей жидкостью. К бутылочке крепилась этикетка с чёрными и серебряными буквами. Старик Бенджамин сдвинул брови, прочистил горло и прочёл надпись вслух:

– «Настойка доктора Кадуоллэдера»!

Потом перевёл глаза на меня и ликующе изрёк:

– Настоящее чудо! Кашель почти прошёл! Я в жизни себя лучше не чувствовал!

И он продолжил читать:

– «Действенный напиток для укрепления умственных и физических сил»... – Он победоносно взглянул на меня и улыбнулся, обнажая прорехи во рту. – И вот что я тебе скажу, Барнаби, – добавил он. – Это лекарство даже зрение мне поправило!

Он вытащил пробку, протёр горлышко ладонью и протянул мне бутылочку.

– Глотнёшь маленько? – предложил он. – Истинно говорю, чудо. В самом деле, укрепляет.

– Ты очень щедр, Бенджамин. Но я, пожалуй, откажусь. Пока на здоровье не жалуюсь.

А про себя подумал – но вслух, конечно, не сказал, – что, если бы меня и одолела какая-нибудь хворь, ни один бес не попутал бы меня испробовать варево шарлатанов.

Я успел бросить быстрый взгляд на этикетку, прежде чем вернуть бутылочку старику Бенджамину: «Доктор Теофолус Кадуоллэдер. Хартли-сквер, 27».

Хартли-сквер! Знаменитое место! Там живут одни богачи. Величественные особняки с мраморными ступенями образуют квадрат, внутри – парк, в который не каждому разрешено зайти. На Хартли-сквер имели практику только избранные врачи – самые обеспеченные, самые известные. Многие из них нажили своё состояние, излечивая от недугов городских толстосумов. Были те недуги истинными или же самими врачами придуманными – узнать непросто. Но мало кто из этих модных докторов имел дело с настоящими болезнями, свирепствующими в бедных кварталах города.

Доктора с таким адресом на визитке бедняков не лечат. Но кто знает, вдруг этот доктор Кадуоллэдер – исключение. Может, он пожалел старика Бенджамина. А иначе зачем бы он так расщедрился. Ведь даже бутылочка от настойки – и та вся какая-то роскошная. Сразу понятно, что такое лекарство не по карману извозчику на пенсии.

Впрочем, ничего необычного не было и в том, что менее почтенные практикующие врачи испытывали свои самодельные зелья на бедных или вконец отчаявшихся. Отслеживали, так сказать, побочные эффекты. Однако, возможно, я чересчур недоверчив.

Я внимательно посмотрел на старика Бенджамина. Он больше не был бледным, на щеках играл здоровый румянец, в глазах блестел огонёк. От кашля не осталось и следа. Старик Бен-

джамин и вправду словно заново родился. Может, с ним случилось то самое чудо? Если это так, то я мог только порадоваться за него. Я коснулся полей цилиндра в знак прощания и отправился в контору Брэдстока и Клинка, чтобы получить деньги за сегодняшнюю работу.

Помню, в тот день зарядил дождь. Булыжная мостовая блестела. Было скользко. Над городом, как обычно, висела тонкая коричневая пелена дыма, но дождю, в который раз, не удавалось её извести. Я шагал по переулку Турбот, сжимая трость с вкладной шпагой подмышкой, мимо чугунолитейного завода Дэвиса. Потом перешёл через двор на другую сторону. А потом по мокрой ржавой водосточной трубе вскарабкался на крышу.

Когда я перемахнул через жёлоб, вспугнув стайку болтливых воробьёв, и ноги мои коснулись черепицы – я понял, что безотчётно улыбаюсь. По правде говоря, так происходило всегда, когда я был по-настоящему счастлив – здесь, высоко над городом, меж дымовых труб.

Верхоходство. Мы называем это дело – верхоходство, и, поверьте, оно – не для слабонервных. Когда я только начинал работать, тик-такер по имени Том Флинт научил меня перемещаться верхоходом. Старина Том... Всего-то на пару лет старше меня, он был лучшим верхоходцем в нашем деле, пока не свернул себе шею на Конихоуп-лейн. Хью Шовл покалечился вскоре после Тома, а Коротышка Клаф сорвался и утонул в Юнион-кэнале. Немного нас, верхоходцев, осталось. Но я не хотел, чтобы эти мысли омрачали сегодняшнюю ночь. Я держал свой путь поверху, перепрыгивал с водосточного жёлоба одной крыши на скат другой, с колонны на фронтон, словно мартовский кот, что кичится своей ловкостью.

На небе уже красовалась полная луна. Я направлялся на юго-запад, ориентируясь, во-первых, на иглоподобный шпиль банка Паргетера, и, во-вторых, – на высокую закопчённую кирпичную трубу клеевой фабрики Гревилля. Конечно, я не боялся сбиться с пути. Я проделывал этот маршрут десятки раз, как и многие другие, – и мог добраться до конторы даже в кромешной темноте. Лоскутное одеяло крыш расстиралось у меня под ногами, а мысли мои занимали события минувшей недели.

Я перепрыгивал с водосточного жёлоба одной крыши на скат другой... словно мартовский кот, что кичится своей ловкостью

Я вспоминал профессора Пинкертон-Барнса: он изучал повадки снегирей и попросил меня о помощи – отказать ему я не мог. Я обдумывал, как бы скорее доставить по недавнему запросу партию гадюк в Герпетологическое Сообщество Чёрной Часовни – если хоть чуть-чуть потеплеет, змеи станут опасно активными. И нужно не забыть вернуть книги об иероглифах племени майя в Библиотеку Андерхилла для изучающих мистические теории – а иначе штраф выпишут изрядный.

Я поднял глаза и увидел купол того здания, где и находилась контора Брэдстока и Клинка. Мне показалось, что купол немного похож на перевёрнутое птичье гнездо, застрявшее в сине-фиолетовой кроне ночи. Полная луна осветила его. Голуби взметнулись в густой воздух, и хлопанье их крыльев звучало как жидкие аплодисменты.

Сейчас слева от меня возвышалась огромная труба фабрики Гревилля. Я даже чувствовал жар, исходящий от топки, в нос ударил отвратительный запах клея, что варили внизу в громадном котле. Воздух дрожал.

Я шёл по парапету, обрамляющему плоскую крышу. Раскинув руки, чтобы сохранять равновесие, я старался не оступиться, как вдруг резко ощутил нечто враждебное. Что-то было не так.

Потревоженные воробьи, что следовали за мной до сих пор, спешно улетели прочь, взволнованно галдя. Небо нахмурилось, мимо белого диска луны проносились откуда ни возьмись появившиеся всклокоченные тучи. Запахло чем-то прогорклым. И тут внезапно ветер стих, и я остро почувствовал, что сзади кто-то есть.

Я обернулся.

Как будто ничего необычного. Неужели воображение разыгралось, подумал я. Клей, что ли, меня так одурманил?

Но потом, когда я уже было собрался идти дальше, я краешком глаза заметил – что-то промелькнуло в сумерках. Сердце замерло. Там что-то *точно* было. Никаких сомнений. Что-то, на вид внушительное, скрывалось в тёмном углублении кирпичной стены.

Я услышал фыркание. Затем негромкое, но грозное рычание. И когда тучи рассеялись и луна снова осветила всё вокруг, я вдруг увидел, что на меня неотрывно глядят два сверкающих жёлтых глаза.

Дрожа от страха, я медленно попятился назад. Рычание стало громче. На фоне лунного неба вырисовывался тёмный силуэт. Напряжение повисло в воздухе.

Кем бы ни было это чудовище – оно готовилось напасть...

Глава 4

Мимо полной луны неслись тучи, сквозь их струящееся полотно пробивался лунный свет. И в этом дрожащем свете я увидел, как сверкнули клыки и блеснули когти. Я вмиг обнажил шпагу. Мысли путались.

Существо, уставившееся на меня с крыши напротив, поражало своими размерами и определённо жаждало моей крови. Я нацелился шпагой в точку, которую мысленно поставил меж двух горящих глаз. Во рту пересохло, как на каменоломне, а сердце стучало, словно судейский молоток. Но всё-таки... всё-таки мне было страшно любопытно.

Тик-такер я опытный и не понаслышке знаю о свирепых существах, которые встречаются в самых жутких местах города. Мне доводилось сражаться с крысами размером с кошку, я подвергался нападению орланов на Восточной набережной, а однажды пришлось схватиться даже с парочкой синемордых бабуинов, удравших с выставки диких животных Дж. В. Петтифога.

Но существо, которое сейчас предстало моему взору, оказалось ни на кого не похожим. Было что-то неестественное в его исполинских размерах и пробирающем до костей взгляде. Зло... неизъяснимое зло.

Я не двигался с места – так и стоял, со шпагой наготове. У меня подгибались колени.

А потом зверь бросился на меня.

Он летел с крыши на крышу, вытянув передние лапы, целясь когтями прямо мне в грудь, туда, где колотилось готовое выпрыгнуть сердце. Я успел лишь подумать – какой же он огромный! Намного больше, чем я предполагал. Массивные лапы, тяжёлая голова, устрашающе выпяченная грудь. Да не может природа сотворить такое!

Силуэт зверя отчётливо вырисовывался на фоне полной луны

В последний момент я резко шагнул влево и спрыгнул с парапета на плоскую крышу внизу. Над головой у меня клацнули клыки. Чудовище приземлилось на то место, где ещё секунду назад стоял я, и взревело в бешенстве.

Я запрокинул голову. И снова – эти дьявольские глаза. Силуэт зверя отчётливо вырисовывался на фоне полной луны. А потом чёрная громадина спрыгнула вслед за мной и стала угрожающе надвигаться.

Я попятился, выставив перед собой шпагу. Зверь наступал. Так и шли мы по крыше: я – от него, он – на меня, а лохматые беспокойные тучи, мчавшиеся по небу, то укрывали полную луну, то вновь её обнажали...

Внезапно я почувствовал жгучую боль в верхней части правой руки – руки, в которой я держал шпагу! – и боль эта была такой силы, что я вскрикнул. Я быстро обернулся и понял, что врезался в раскалённую металлическую трубу. Металл был таким горячим, что мгновенно прожёл ткань куртки. И сразу же в ноздри ударил сладковатый запах палёной кожи – моей собственной кожи! Голова закружилась, ноги стали ватными. Но я понимал: если я сейчас потеряю сознание – мне конец.

Превозмогая боль, я осторожно, всё так же пятясь, принялся обходить трубу, изрыгающую клубы дыма. И вдруг, сразу за трубой, в крыше, краем глаза я заметил окошко, в котором горел свет. Это была моя последняя надежда на спасение.

Я попятился к окошку. Мне всё время приходилось рассекать шпагой воздух перед собой, чтобы держать зверя на расстоянии. У того из пасти капала слюна. И вот, когда каблуки мои коснулись рамы, я остановился и – опустил шпагу.

Как я и предполагал, уловка сработала. С оглушительным рёвом зверь вновь бросился на меня: и тогда ваш покорный слуга отступил в сторону, как отступает матадор с пути разъярённого атакующего быка. Мой кровожадный преследователь с разлёту угодил прямоком в окошко. Под весом такого исполина стекло разбилось на тысячи осколков. Зверь полетел вниз, и я глазом не успел моргнуть, как оттуда раздался громкий всплеск.

Я наклонился и, стараясь не оступиться, взгляделся в зияющую дыру, куда сверзилось чудовище. Я увидел громадный котёл, в котором кипела вязкая коричневая жидкость, – клей фабрики Гревилля. Пар клубился над булькающим варевом. И в следующий миг на поверхности клейкой жижи появилась тяжёлая голова. Из пасти зверя вырвался последний, полный отчаяния словно бы не рёв даже, а стон, – и чудовище навсегда исчезло в глубине котла.

Я опустился на колени. Так и стоял некоторое время, будто в оцепенении. Мне никак не удавалось привести в порядок мысли. Нестерпимо болела обожжённая рука, я задыхался от смрада, поднимающегося из котла. Очнулся я, только когда рабочие, те, что перемешивают и разливают клей, стали кричать мне снизу:

– Эй ты, там, наверху!

– Чего безобразничаешь?

– Какого дьявола тебе там надо?

Времени пускаться в объяснения не было. Отпрянув от разбитого окошка, я достал трость из чёрного дерева, вложил в неё, как в ножны, шпагу и поспешил прочь из последних сил – у меня всё ещё дрожали поджилки. Брань рабочих постепенно стихала у меня за спиной. Я подошёл к краю фабричной крыши и стремительно перепрыгнул на выступающую колоннаду соседнего дома. Не прошло и десяти минут, как я оказался на крыше высокого здания в готическом стиле, где и находилась контора Брэдстока и Клинка.

Справа – тонкая перекрученная водосточная труба, которая спускается с крыши прямоком на тротуар. Обычно я цепляюсь за неё и с ветерком съезжаю вниз. Но только не в тот вечер. Боль от ожога нарастала. Она пульсировала, и всякий раз, как я шевелил рукой, становилась всё беспощаднее.

У меня не было выхода: оставалось взломать замок на двери, ведущей с крыши внутрь здания, на лестницу, и спуститься в контору.

Но даже это оказалось трудным. Действие, на которое у меня, здорового, ушла бы минута, отняло теперь добрых пять. И всё же, наконец, послышался характерный щелчок, замок поддался, я толкнул дверь и оказался внутри.

Контора Брэдстока и Клинка располагалась на четвёртом этаже. Я спустился по лестнице, прошёл по коридору и остановился у нужной двери, на которой красовалась стеклянная табличка с выгравированными золотом именами. Я собрался с духом, насколько это было в моих силах, постучался и вошёл.

Молодой Брэдли Брэдсток и старый Алоизиус Клинк вовсю корпели над бумагами. Их письменные столы стояли у стены по обе стороны от маленького грязного окна. Брэдсток и Клинк одновременно подняли головы, чтобы взглянуть на вошедшего.

– Ах, это вы, Барнаби! – и старый Алоизиус откинулся на спинку стула. Он демонстративно вытащил часы из кармашка заплатанного жилета и посмотрел на циферблат. – Уже справились?

– Да, сэр, – ответил я. – Все повестки доставлены.

Молодой Брэдсток поднялся, взял с каталожного шкафа, что стоял позади него, запечатанный конверт и подошёл ко мне. В конверте лежало моё вознаграждение. Молодой Брэдсток протянул мне свободную руку для приветствия – и тут же отшатнулся в ужасе.

– Голубчик, да что же это такое?! – воскликнул он. – Ради всего святого, что вы с собой сделали?!

– Ах, это! – бросил я, стараясь казаться беспечным. Разумеется, я не намеревался рассказывать о неожиданной встрече с чудовищем, похожим на волка. – Пустяки. Случайность. Задел трубу на крыше фабрики Гревилля. Ничего страшного, правда. Всего лишь небольшой ожог...

Но Брэдли Брэдсток не любил, когда ему возражали. Он вручил мне конверт с деньгами и принялся разглядывать моё плечо: кожа пугающе алела под обгорелой тканью рукава.

– Немыслимо! Взгляните-ка, мистер Клинк!

Не прошло и минуты, как рядом с нами уже стоял старый Алоизиус. Кажется, и он был весьма впечатлён.

– Выглядит скверно, мистер Брэдсток прав, – подтвердил он, сокрушённо качая головой.

– Вас необходимо показать доктору, – заявил Брэдли Брэдсток. – Это нельзя так оставлять.

– Пожалуй, юному Барнаби станет лучше, если он отведаёт моей целительной настойки.

С этими словами мистер Клинк вернулся к письменному столу и вытащил из ящика уже знакомую мне стеклянную бутылочку с синей жидкостью и с чёрными и серебряными буквами на этикетке.

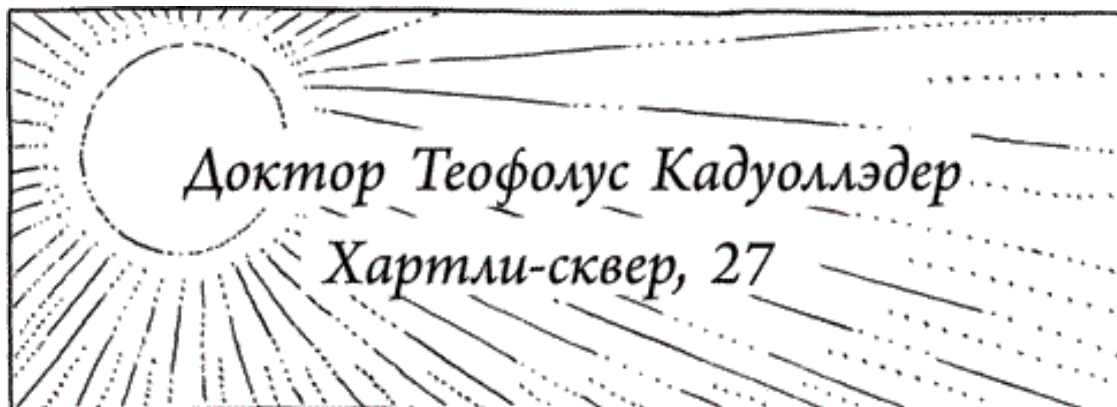
– Настойка доктора Кадуоллэдера! – с лучезарной улыбкой изрёк мистер Клинк, собираясь налить лекарство в ложку. – Творит чудеса, юноша! Я стал принимать – и словно заново родился!

Я остановил его движением руки.

– Благодарю вас, мистер Клинк, – слегка улыбнулся я. – Но за годы моего тик-такерства случалось всякое – и порезы, и царапины. Дело неизбежное. Я сам справлюсь, если позволите.

– Как угодно, Барнаби. Как угодно. Но хуже-то не станет, если вы покажетесь доктору Кадуоллэдеру. И передайте ему, чтобы счёт за ваш визит отправил мне. – Мистер Клинк улыбнулся. – Вы – отличный тик-такер, Барнаби, я не хотел бы вас лишиться.

И он протянул мне маленькую визитную карточку с золочёными краями. В верхнем левом углу на ней был изображён солнечный диск, от которого веером расходились лучи. Я прочёл надпись, выполненную аккуратными чёрными буквами:

Я вежливо поблагодарил мистера Клинка и, спрятав конверт с дневным вознаграждением во внутренний карман, попрощался и отправился домой.

Конечно, я вовсе не собирался идти к какому-то шарлатану, наживающемуся на чужих недугах, однако был тронут заботой старого Клинка о моём здоровье. Я знал: всё, что мне сейчас нужно, – это холодный компресс и крепкий сон до утра.

Возвращаться верхоходом на этот раз я не рискнул – болела рука, к тому же снова начал накрапывать дождь, а значит, черепица будет скользкой.

Я пошёл самым обычным путём, с юго-запада двигаясь на север, к себе в каморку на чердак.

И когда я оказался на углу Уотэр-лейн и переулка Чёрной Собаки, я увидел его. Возле высокого скошенного дома. Исцарапанное, погнутое, одна ножка сломана, подлокотники и спинка перепачканы кровью – но это было оно.

Я словно прирос к месту. У меня даже рот раскрылся от изумления, а сердце бешено заколотилось в груди. Потому что там, в сточной канаве, валялось извозчицье кресло старика Бенджамина.

Глава 5

Я присел на корточки и стал рассматривать свою находку. Удивительно, как много могут рассказать нам даже самые незатейливые вещи, если изучать их с должным вниманием. Царапина на карманных часах, сломанный ноготь на большом пальце у лакея, сажа на лакейской перчатке, нитка, свисающая с подола элегантного платья, – из этих деталей добросовестный наблюдатель составит целую историю: прекрасная дочь горнопромышленника выходит из кареты, опираясь на руку лакея... Историю о трагической любви, горьком предательстве, что чуть не разбило сердце одному тик-такеру...

Как я уже сказал, вещи способны поведать о многом, если вглядываться в них внимательно.

Так, вглядываясь в извозничье кресло старика Бенджамина, я обнаружил на деревянных подлокотниках глубокие царапины. По отколовшимся кусочкам дерева я сделал вывод, что здесь поработали каким-то острым инструментом. Столярным ножом. Или отмычкой. Или шилом. Но потом я заметил, что царапины располагаются параллельно друг другу, словно по подлокотникам провели чем-то с зубьями, похожим на маленькие грабли.

Сердце снова забилося быстрее обычного. А что, если не с зубьями? А что, если... с когтями?

Левая ножка была сломана. Скорее всего, от удара при падении – очевидно, кресло с силой швырнули в канаву. На обивке повсюду виднелись брызги крови. В некоторых местах креслу прилипли клочья чёрной шерсти. Аккуратно, двумя пальцами, я снял несколько шерстинок, завернул их в бумажку и спрятал в нагрудный карман охотничьего жилета.

Не без усилий я выпрямился. В голове постепенно начинала складываться история: старик Бенджамин дремлет в своём извозничьем кресле под серебристой полной луной...

А потом из-за угла внезапно появляется огромное существо, похожее на волка, с жёлтыми горящими глазами. И оно жаждет крови.

Прежде чем старик Бенджамин успевает опомниться, это ужасное существо обрушивается на него. Дерёт когтями, рвёт зубами... В пылу схватки кресло отлетает в канаву... Зверь устремляется к дому... Вбегает в открытую дверь, несётся по лестнице вверх, чтобы оказаться ближе к луне и, запрокинув морду, взвыть на неё, – и именно там, на крыше, я и сталкиваюсь с чудовищем. Тем временем, прямо возле своего дома – который как раз находится в двух шагах от фабрики Гревилля – лежит старик Бенджамин, потрясённый и истекающий кровью. Наконец, он собирает всё своё мужество и пытается ползти за помощью...

Существует тысяча и ещё один способ встретить свою смерть в этом городе. В соответствии с данными статистики, мною изученными, всего чаще жители умирают от того, что попили грязной воды или заснули возле неисправной газовой лампы. Что и говорить, довольно прозаично. Но я в своей жизни, уж поверьте, становился свидетелем по-настоящему жутких смертей. Вспомнить хоть случай с неисправным двигателем на заводе – человека раскрошило, никто и опомниться не успел. Но всё же быть разорванным на куски диким зверем – это, пожалуй, страшнее будет...

В моей версии меня беспокоила лишь одна нестыковка. Если бы старика Бенджамина и вправду порвал зверь, то на обивке было бы гораздо больше крови. И, конечно, от кресла тянулся бы кровавый след – в ту сторону, куда несчастный пополз за помощью... Но ничего такого не было и в помине, а осматривал я очень тщательно. Никакого кровавого следа. Старик Бенджамин, казалось, просто исчез.

– Исчез! – раздался резкий визгливый голос, вторя моим мыслям. Я обернулся и увидел рассерженную квартирную хозяйку старика Бенджамина, миссис Эндикотт. Она стояла в дверном проёме, воинственно подбоченясь.

– Посреди ночи! – возмущалась она. – Ишь ты – бегство в полнолуние! Дёру дал!

Миссис Эндикотт была худой, неопрятной женщиной, в которой я всегда улавливал сходство с крысой. Голову её покрывал донельзя замызганный чепец, из-под которого выбивались рыжие крашенные волосы. В углу беззубого рта торчала глиняная трубка. Когда миссис Эндикотт разговаривала, трубка прыгала над подбородком, из которого торчали редкие волоски.

– Старик Бенджамин задержал плату? – спросил я.

Миссис Эндикотт сделала затяжку.

– Ну это само собой, – выдохнула она. – Но я сердцем чуяла – что-то тут неладно. В последние недели это был уже не Барлоу. Да его как подменили! Здоровый, откуда силы взялись, будто и годков ему вполовину меньше! Поди, приключения отправился искать. – Она шмыгнула носом. – Мог бы хоть словечко сказать напоследок...

– Когда вы в последний раз его видели? – поинтересовался я у миссис Эндикотт. Я дал себе слово при первой же возможности справиться о старике Бенджамине в Городской больнице для бедняков и в Приюте милосердия для престарелых кучеров, что на задворках Инкхорн-корт.

Миссис Эндикотт задумчиво поскребла волосатый подбородок.

– С часок назад, красавчик. – Она одарила меня липкой улыбочкой, но тут же спохватилась. – Я в окно глянула: Барлоу вот на том месте сидел, в кресле своём, на луну глядел, себе под нос усмехался... Я спать отправилась, а потом меня шум разбудил: вой, ну точно загробный, и треск, да такой громкий...

– Вой и треск, – повторил я озабоченно.

– Я в окно снова сунулась – пустая улица, нет никого, – продолжила миссис Эндикотт. – Ну, значит, думаю, и Барлоу спать пошёл. Я было тоже хотела – да не могу. Вечно боюсь, что старик уснёт – а лампу-то газовую не погасит. Уж я знаю, что говорю, водится за ним такой грешок. Так что я к нему спустилась и постучалась. Стучу-стучу – никто не открывает. Ну я сама и вошла, а Барлоу... он... то есть... уже... вроде как и...

– Исчез? – любезно подсказал я ей.

– Дёру дал! – стояла на своём миссис Эндикотт. – Ишь ты – бегство в полнолуние! – повторила она. Похоже, ей нравилось сочетание этих слов.

– Конверт для мистера Бенджамина Барлоу! – раздался сзади дурашливый голос.

Мы обернулись.

Неторопливо, вразвалочку по улице шёл тик-такер – толстый, неряшливый, в жилете с вышивкой и в пёстрой широкополой шляпе.

– Бенджамина Барлоу в настоящий момент нет дома, – мягко ответил я. – Но я буду счастлив передать ему конверт лично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.